

Иван Быков

Бездна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Быков

Бездна

<https://litres.ru/74190152>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Бездна» - новый, четырнадцатый по счету, роман Ивана Быкова, кандидата педагогических наук, мастера интеллектуальной прозы. Незатейливый, на первый взгляд, сюжет: Вадим проваливается в бездну, где, в поисках выхода, обретает новых знакомых, ищет ответы на измучившие его вопросы, ставит новые цели, решает нерешаемые до этого «провала» задачи – этот сюжет превращается для читателя в хитрый узор, сотканный из десятков произведений разных эпох, разных направлений, разных авторов – от античных философов и народных эпосов до модных экзистенциалистов и даже детских сказок. Некоторые аллюзии читатель обнаружит с первых строк, а какие-то детали головоломки будут доступны только подготовленному сталкеру. Это роман для всех и не для каждого. Читайте, и, как всегда при чтении романов Ивана Быкова, получайте эстетическое и, конечно же, интеллектуальное удовольствие.

Иван Быков

Бездна

Бездна

(путеводитель по низвержению в себя)

*Но так как мы не дали миру потомства,
То с бездною адской свели мы знакомство.
«Махабхарата»*

*Кто сражается с чудовищами,
тому следует остерегаться,
чтобы самому при этом не стать чудовищем.
И если ты долго смотришь в бездну,
то бездна тоже смотрит в тебя.
Фридрих Ницше «По ту сторону добра и зла»*

Глава1. Разговор в подвальчике

*Мастер выглядит немного безумным.
Он прыгает от одного пункта к другому,
не создавая систематической философии.
Но мастер обладает реальным сокровищем,
учитель же только слышал о нем,
и как он ни талантлив, все равно остается бедняком.*

Ошо. «Рассуждения о преобразении интеллектуала в просветленного»

Это был один из тех в малом количестве сохранившихся до наших дней подвальчиков, где посетителя прежде с первой же ступеньки встречал кисловатый запах винного погреба. Смесь ароматов перебродивших ягод, земли, сырых стен, винного уксуса, прелой пробки и, конечно же, перегара. Целомудренные дамы всенепременно наморщили бы брезгливо изящные носики. Но целомудренных дам тут не было. И нецеломудренных тоже.

Лет сто назад, когда город был более юн и менее щепетилен, такие подвальчики были полны синюшных завсегдатаев, нескладно горланящих песни, здесь царили тухлые выдохши отхожего места, заплесневевшие остатки вчерашних продуктов, неряшливые куски сыра, хлеба и колбас, засаленные от многократного употребления глиняные плошки, сонный храп сдавшихся служителей Диониса, осоловелые взгляды самых стойких.

Да-да, именно такая атмосфера царила в итальянских, греческих и французских винных погребах в Одессе во второй половине девятнадцатого века. По улицам Греческой, Дерибасовской, Ришельевской под жилыми строениями протянулись извилистые «мины» - так называли прежде подземные лазы и туннели. Ежевечерне уставшие актеры антреприз, уличные музыканты, исписавшиеся журналисты,

невеликие чиновники, домашние учителя спускались по крутым лестницам в прохладные зевы питейных заведений Отона, Лателэ, Картуа, Каррет, Корэ...

Дорогие привозные вина подавали в ресторациях «на поверхности», а внизу, в подземельях, наливали местные бесарабские аккерманские шабские (без запятой, потому что все суть одно и то же). Вина и песни лились рекой, играли в «марру», выбрасывая пальцы (бабушка нашей «камстри»), кто-то из музыкантов расчехлял инструмент и...

А утром, похмелившись, шли наши вчерашние пьяницы играть роли в театрах и цирках, развлекать праздный люд на бульварной ярмарке, давать уроки недорослям из семей домовладельцев, отправлялись на службу в мэрию или брались за острое журналистское перо. И пусть нынешние эмансипированные дамы продолжают брезгливо морщить носики, но скажем честно: сидели бы и мы в тех винных погребках, пропивали бы жизнь свою да успевали бы и дело делать. Попробуйте сейчас с перегаром на службу прийти – не поймут, похмельную стопку не нальют, компанию не поддержат. Эх...

В «марру» играть за чашей шабского – занятие бестолковое, но мирное. А если и поссорятся грек с арнаутом, распустят руки, раскровавят друг другу носы, так к утру омоют синяки студеной водой, хлебнут из чаши для поправки здоровья и не вспомнят за вчерашние обиды. Тихий прелый кисловатый запах винного погреба – вот оно, решение всех недоразумений и глобальных противостояний.

Нынче же ароматизаторы и кондиционеры избавляли подвальчик от всех милых сердцу ароматов – ни тебе кислых, ни тебе пряных, ни тебе перегарных живых духов, а лишь неоновое мерцание ламп в полутьме да фоновая музыка на краю слуха. Цивилизации стало больше, а вот колорит остался только на импрессионистских миниатюрах местных художников, что были разбросаны по голокирпичным стенам. Вина – ни местного, ни заморского - здесь было бы не допроситься, вместо вина предлагало заведение пару сортов пива и целую батарею крепких напитков и коктейльных сочетаний.

Не было здесь и посетителей в этот ранний час. Вадик знал это место, забрел сюда целенаправленно после утреннего визита в поликлинику. На круглых часах на стене в тот момент, когда Вадик сделал первый свой заказ, не было еще и полудня. Всегда удивлялся Вадик этим архаичным настенным часам. Зачем они в питейном подвале? За рюмкой да кружкой время течет незаметно, незачем держать его, время, на контроле. По солнцу в подвале не сориентируешься. Не будешь знать, который час, дольше посидишь и больше выпьешь. А значит, и доход заведения в плюсе. Но, видимо, хозяин или дизайнер помещений, найдя древние часы на Староконной барахолке, решили непременно вписать их в интерьер.

- Давайте смоделируем ситуацию, - неожиданно предложил довольно испитого вида сосед по барной стойке.

- Давайте, - согласился Вадик, которому пить в одиночку

было скучно, а самому подсесть к единственному здесь собутыльнику (бармен был еще слишком молод, чтобы пить на работе и составить компанию посетителям) было стыдно.

Вадик сидел в баре уже второй час и не заметил, когда в подвальчике появился новый клиент. Поэтому так и не понял, успел ли незнакомец так наглюкаться здесь или пришел уже в таком состоянии. Да это было и не важно – Вадик и незнакомец пребывали на одной алкогольной волне. Здравый смысл тянул за рукав – пора, мол, домой, а то заругает девушка, но Вадик не торопился, он нашел себе оправдание, даже два: во-первых, девушка – не жена, а во-вторых, здесь, в питейном подвальчике, Вадик выполнял рекомендации врача.

Вадик решил сегодня утром пройти медицинское обследование. Не глубинное, до самых что ни на есть клеточных основ, а такое, по верхам, для самоуспокоения – общие анализы и такая же общая картинка внутреннего содержания. Не души, конечно, кто ж врачам душу-то раскрывает, а бранных внутренних органов. Модно нынче стало по врачам ходить и пугать свое мировоззрение их коммерческими диагнозами.

Мастерица, вооруженная ультразвуковым датчиком, была из тех врачей, которые видят в пациенте тварь дрожащую, каждого входящего приговаривают к неминуемым мучениям, а на благожелательное «Всего доброго» откликаются требовательным «Сидеть! Я вас не отпускала!». Этакая

фея смерти, сухая, высокая, с выбеленной короткой мужской стрижкой, с суровым острым лицом, исполненном справедливой брезгливости и осененным печатью окончательного приговора.

Нет, Вадик не был мастером психологических портретов «с первого взгляда». Когда он переступал порог кабинета, то не знал, что нужно оставить в коридоре надежду и курточку, от всего этого избавлялся уже внутри, за что тут же получил строгий выговор с занесением в медицинскую карту.

- На живот жалуетесь? – вкрадчиво спросила хозяйка кабинета.

- Бурчит иногда, как у всех, - весело ответил Вадик, не подозревая, что уже нарвался.

- Почему? – потребовала объяснить доктор.

- Бурчит? Так откуда я знаю? – удивился Вадик. – Поешь-выпьешь – вот и бурчит. Но бурчит тихо, ненавязчиво, - добавил пациент в оправдание себя и живота.

- Любите выпить? – услышала главное, по ее мнению, врач.

- Не без этого, а кто ж не пьет? - ляпнул Вадик, подписывая себе смертный приговор.

Все дальнейшие медицинские манипуляции уже не несли никакой смысловой нагрузки и являлись, по сути, ритуальным танцем шамана. Доктор получила весь анамнез в одном коротком ответе бестолкового пациента. Умный ультразвуковой прибор не обнаружил особых отличий Вадикиных ор-

ганов от тех эталонных, что наверняка хранятся в швейцарской палате мер и весов, но это уже не имело никакого значения. В глазах доктора пациент, признавшийся в любви к алкоголю, был скорее мертв, чем жив. Видимо, какая-то травма из прошлого – отец-пьяница, муж-дебошир (если муж вообще имел место в ее жизни) – погрузила хозяйку кабинета в мрачный мир трезвенных кошмаров.

После упомянутого уже «Сидеть! Я вас не отпускала!» прозвучала лекция о вреде алкоголя, наспигованная множеством шаблонно-избитых посулов о том, что станет с несчастными печенью, селезенкой, желудком, поджелудочной, мозгом (как без этого?) и всеми видами кишечников, если Вадик лишь подумает о праздничном застолье. Вадик уяснил, что впереди у него только боль, воспаления, завороты, новообразования, муки, которые будут вызваны всевозможными заболеваниями – редкими, хроническими, неизлечимыми. Доктор даже улыбнулась в предвкушении, зловеще приподняв левый угол тонких губ.

- Обязательно учту Ваши рекомендации, - облегченно соврал Вадик, когда врач закончила нагнетать.

С рассеянного перепугу Вадик попытался натянуть курточку прямо в кабинете и в тот же момент получил новую порцию нравоучительной ненависти. Заходил Вадик в кабинет УЗИ интеллигентным бодрым, здоровым, только что сдавшим две пробы крови добрым молодцем, покидал кабинет унылым, подавленным хроническим алкоголиком,

не знакомым с правилами поведения в приличном обществе, каковым, безусловно, являлась вся поликлиника в целом и кабинет Узи в частности, наделенным хамскими замашками невежи.

Спасла Вадика подруга-память. Словно из фильмов о монахах Шаолиня, прозвучал в его мятежном разуме голос другого врача, у которого консультировался он в прошлом году:

- Если пьете, то лучше крепкие. Если пьете много, то лучше джин, - сказал врач с пониманием и даже зафиксировал это личной печатью в медицинском рецепте.

«Спасибо, учитель! – Вадик поспешил мысленно поблагодарить специалиста. - Твое у-шу сильнее и правильнее. Немедленно приступлю к медитациям по этой методике. И буду помнить: не всяк тот (та) врач, у кого в руках датчик узи».

Сказано – сделано, и вот Вадик уже второй час накидывается джином в составе классической смеси – со льдом, тоником и лимоном. Дома ждет справедливый нагоняй, может, даже скандал средней весовой категории, а потому домой торопиться не стоит – так решил Вадик, руководствуясь исконной мужской логикой. Сидел,пил, фрустрировал в ожидании неведомого. И вот, видимо, дождался.

Угрозы сосед по барной стойке не излучал, так что почему бы и не «смоделировать ситуацию»? За моделирование выпили по шоту, то есть по стопке граммов в тридцать-сорок. Вадик решительно, с глубоким благодарным вздохом пере-

шел на предложенную собеседником текилу. Бармен подал блюдечко с крупно рубленным лаймом.

- Итак, идете вы по полю, - предложил собеседник.

- Иду, - согласился Вадик.

- И находите яму.

- Легко, - Вадик даже глянул в рюмку, словно нашел яму.

Пришлось выпить снова – за счастливую неожиданную находку ямы в чистом поле.

- Не просто яму, - хитро прищурился собеседник. – Бездну.

- Глубокую? – уточнил Вадик.

- Молодой человек, - собеседник покачал головой с укором. – Вы не знаете значение слова «бездна»?

- Знаю, - уверенно парировал Вадик. – Глубокая яма. Или впадина. В общем, углубление настолько глубокое, что дна не видно.

- Не знаете Вы значения, - поморщился собеседник, словно Вадик разочаровал его в жесточайшей степени. – Бездна на то и бездна, что дна – нет. Без дна, понимаете? Дна не просто не видно, его попросту нет. А вы тут «углубление глубокое», - сосед по барной стойке передразнил так ехидно, что Вадик устыдился очевидной тавтологии.

- Так не бывает, - засомневался Вадик.

- Мы моделируем, - напомнил собеседник, назидательно подняв указательный палец, и снова пришлось выпить за моделирование.

- Договорились, - Вадик потребовал научной четкости. – Я обнаружил условную яму, в которой условно отсутствует дно.

- Пусть так, - не сразу согласился собеседник и вдруг запоздало протянул руку для знакомства. – Вакх.

- Вакх? – Вадик не сразу понял, что собеседник представился.

- Причуда родителей, - подтвердил собеседник. – Они были алкоголики. Беспробудные и неисправимые.

- Осуждаете?

- Горжусь. Интеллигенция же! – Вакх горделиво задрал подбородок. - А Вас, прошу прощения?..

- Вадик, - снова пожали руки; выпили за знакомство.

- Вадик, - собеседник посмаковал послевкусие имени. – Вадим. Сложное имя, сложный характер, сложная судьба.

- Почему? – насторожился Вадик.

- Вадить, - пояснил собеседник. – Обманывать. Обвинять. Клеветать. В конечном итоге, сеять смуту.

- Я не сею смуту, - обиделся Вадик. - Зато Вакх – прям, замечательное имя. И судьбу сулит небывалую – радужную, исполненную счастья, триумфов и прочих радостей.

- Мое имя происходит от латинского «bāsa» — это маленький круглый фрукт (Вакх с удовольствием похлопал себя по округлому пузику), ягода, виноград.

- Яма, - напомнил Вадик, уставший от ономастики.

- Бездна, - поправил Вакх. – Итак, Вы нашли бездну. В

поле. Каковы будут Ваши действия?

- А есть варианты? – думать Вадик не хотел, он хотел и дальше обижаться на нелестное разоблачение своего имени.

- Много, - обрадованно сообщил Вакх. – Во всяком случае – несколько. И один лучше другого.

- Например?

- Самый простой вариант – Вы безразлично проходите мимо и тут же забываете о находке.

- Не хочу, - честно признался Вадик.

- Не хотите проходить мимо или забывать?

- А есть разница?

- Безусловно, - Вакх даже нахмурил брови для важности.
– Если не хотите забывать, то будете раз в неделю, месяц, год возвращаться на берега сии, в задумчивости курить... Вы курите?

- Нет.

- Значит, будете ностальгически распивать бутылку водки, или что Вы там пьете, болтая сандаликами над бездонной темнотой, думать о вечном, гадать, что же там, внизу, в непроглядной тьме небытия, даже камешки иногда бросать в тщетной надежде услышать звук падения, вспоминать Ницше...

- А его зачем?

- Ну, как же? «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в

тебя», - с пафосом продекламировал Вакх и добавил бытовым тоном, - «По ту сторону добра и зла».

- Не читал, но что-то такое слышал, - признался Вадик.

- Успеете, - пообещал Вакх. – Так вот, будете вспоминать Ницше и раз за разом все больше сходить с ума. Оно Вам надо?

- Сходить с ума - никак не надо, - Вадик замотал головой, выпили за то, что не надо сходить с ума.

- То-то и оно, - Вакх направил указующий перст в небеса, то есть в низкий потолок подвальной питейной. – А если не хотите проходить мимо бездны, то тут снова алгоритм распадается на несколько веток.

- Каких? – Вадик постарался сделать сосредоточенно-понимающую «морду лица», но вышло плохо: выпитое давало о себе знать.

- Первый, самый тот, что на поверхности: позвонить куда следует и сообщить о находке.

- А куда следует?

- Туда, куда звонят в таких случаях, - Вакх дал исчерпывающий, на его взгляд, ответ. – И тут снова два варианта: либо Вам не поверят, и тогда возвращаемся к ностальгическому Ницше и не менее ностальгической водке, либо поверят, обнесут Вашу бездну пятиметровым забором, накроют куполом, расставят спецназ с пулеметами, запихнут под купол сотню ученых в очках и с лысыми лбами, засекретят все, что те там найдут или не найдут, но тогда это еще больше

засекретят. Но что главное?

- Что?

- Что Вас туда больше никогда не пустят. А могут и запелить в спецучреждение, такое, где рукава рубашек завязывают за спиной. В общем, была Ваша бездна – стала их, и снова возвращаемся к пройти мимо и забыть. А могут и кокнуть – для профилактики.

- Не надо кокнуть! – запротестовал Вадик. – И в спецучреждение тоже не хочу.

- Вот и я говорю, что не надо, - выпили за солидарность.

- А что надо?

- Есть вариант, самый верный, самый продуктивный, - протянул Вакх и замолчал, то ли подвесив интригу, то ли потеряв интерес к разговору.

Вадик ждал целых две рюмки, наконец не выдержал:

- Какой вариант? Какой еще есть вариант?

- Прыгнуть, - просто сказал Вакх.

- Куда? – опешил Вадик.

- В бездну.

- Так разобьюсь же.

- Обо что?

- О дно.

- Эх, не слушали Вы, - очень горько, очень искренне расстроился Вакх. - Весь наш разговор насмарку.

- Так подскажите! - взмолился Вадик.

- Это же без-дна, - произнес Вакх медленно, по слогам,

как ученику-тугодуму. – Дна нет, разбиваться не о что. Так что надо прыгать.

- Надо? – Вадик спрашивал совета.

- Обязательно! – отрезал Вакх. – Прыгать надо. Лучший вариант. Других нет, даже не ищите.

- Хорошо, - обреченно вздохнул Вадик. – Буду прыгать.

- Так что, на счет «три»? – предложил Вакх.

- На «три»! – решительность выиграла в крови Вадика высокоградусной алкогольной присадкой. – Вы со мной?

- Безусловно! Не оставляю же я друга одного. Да и заблудитесь Вы там без меня, – снова выпили за солидарность. – Если позволите, за руки браться не будем.

- Позволяю! – расщедрился Вадик и даже спрятал руки за спину, отчего скинул рюмку со стойки.

Рюмка разбилась со звоном, осколки разлетелись по плитке, стилизованной под паркет, бармен посмотрел без осуждения и тут же поставил новую. Наполнил.

- Тогда «раз», - Вакх жестом попросил наполнить и свою «тару». – «Два», - чокнулись, расплескав половину текилы по стойке.

- «Три!» - быстро, чтобы опередить собутельника, объявил Вадик и двое синхронно опрокинули стопки.

Земля ушла из-под ног, часы на стене улыбнулись, отказываясь показывать настоящее время, широко расставив стрелки на без четверти три, (а ведь Вадик пришел в подвальчик еще до полудня) и наступила тьма. Но ненадолго...

Глава 2. Фридрих

*Но они отнюдь не занимают
все время еды длинными рассуждениями;
наоборот, они охотно слушают и юношей
и даже нарочно вызывают их на беседу.
Они хотят через это узнать способности
и талантливость каждого, проявляющиеся
в непринужденном застольном общении.
Томас Мор. «Утопия»*

Прозрение было долгим, падение было странным. И наоборот. Вадик понимал, что глаза его открыты, что он вполне себе обозревает мир вокруг, но, при отсутствии ориентиров, взгляд беспомощно скользил по сумеречной пустоте. К этому нужно было привыкнуть. Падать же было... некомфортно. Вернее, настолько комфортно, что от этого и возникал дискомфорт.

Вадик не мог четко определить свое состояние – спит он или бодрствует. Сегодня ночью испытывал он подобное. Ему снилось, что небо все полыхает от взрывов, все темно от самолетов, от крылатой смерти – авианалет, весьма и весьма массированный. Рев моторов, дробь зенитных очередей, уханье крупных калибров, тарахтение дронов, вой бомб. Горожане радуются: такое зрелище! Все замерли, задрав головы,

устремив в небеса жерла телефонных видеокамер. Ждут. Вадик ждать не стал - проснулся.

Очень тревожный был сон, сон-предчувствие. Лежал на мятых простынях, молча хлопая глазами, как филин в зоопарке, все не мог понять, по какую он сторону сновидения. Пока не пришла жена. Налетела – за выпитый вчера втихаря стакан джина, что и было обнаружено утром, что и было донесено прямо в постель в виде скандала средней прожарки.

Но, как ни странно, получив нагоняй, Вадик успокоился. Вся тревога сонной навигации оказалась на проверку предчувствием семейной бытовухи. Как часто мы переносим внутреннее на внешнее, а внешнее – на внутреннее. Поосторожнее бы с этим, а то иногда сбывается, а вот в каком виде случится – не предугадаешь.

Вот и сейчас – Вадик падал, понимал, что не спит, но не покидало ощущение нереальности происходящего. Дело в том, что еще со школьной скамьи помнил Вадик про какие-то 9,8 «же», которые, вроде бы, обозначали ускорение в метрах в секунду. Оно, ускорение, возникало при свободном падении тела. Еще помнил он из фильмов про отважных летчиков и космонавтов, что при таком ускорении должны возникать перегрузки. Ну, там, щеки к затылку, пасть к ушам, глаза навыват и лицо, как ж*па шарпея. Даже в видеороликах наблюдал он такое, в тех, где у девчонок на парковых аттракционах вываливаются сиськи на поворотах.

Так вот, тело было – его, Вадика, тело. Падение тоже име-

ло место быть, о падении шептал ветерок, движение воздуха снизу вверх, словно Вадик спускался по пологой горке водяного аттракциона в аквапарке.

Вадик не любил аквапарки. Не любил неуправляемо нестись вниз, всего несколько секунд, несколько ушибов, на лицах окружающих странная, непонятная Вадиду радость неких свершений, бестолковая суета у бортика бассейна и новый подъем по скользкой лестнице к медленно ползущей очереди шумных детей, отстранённых подростков, грузных мужчин и закатных женщин. И вот снова очередь тянется к жерлу яркой трубы. Труба эта становится незатейливым Богом на пустые секунды спуска. Направляет жестко – не свернуть, ничего не разглядеть по сторонам, пока не выплюнет тебя из нижнего раструба в отстойник с хлорированной водой. Метафора их бестолковой жизни.

Нынче не было никаких труб, никакой воды под неприятно промокшими плавками и не было никаких перегрузок. То есть были бы у Вадика сиськи, то никуда бы они не вывалились. Не говоря уже о щеках к затылку. И к этому тоже нужно было привыкнуть. Где этот провокатор Вакх? Прыгали вместе, а падает Вадик в одиночестве.

- Как ощущения? - услышал он насмешливый голос из «мертвой» зоны, откуда-то из-за затылка.

Вадик, маневрируя всеми членами тела, как космонавт в невесомости, перевернулся на другой бок – в направлении голоса. При этом Вадика чуть повело, но легкое головокру-

жение вполне можно было списать на выпитое в подвальчике.

Шагах в трех-четыре сидел человек. Слово «сюртук» само всплыло в памяти, никак нельзя было назвать иначе элегантный, но старомодный костюм незнакомца. Вадика изучали из-под мохнатых бровей глубокие умные глаза. Но самой удивительной деталью в облике человека были усы – крыльями простирались они по обеим сторонам лица и были настолько дремучими, что придавали незнакомцу отчетливое сходство с моржом. От аэродинамического эффекта усы колыхались, отчего казалось, что незнакомец обладает весьма подвижной мимикой.

- Вам удобно? – поинтересовался незнакомец. – Может, присядете?

Действительно, Вадик в необычном падении своем принял одну из поз, естественных для парашютиста, – позу римского патриция, возлежащего за обеденной трапезой. А незнакомец сидел, закинув ногу на ногу, демонстрируя черные лакированные туфли. Сидел без стула, без кресла, без какого-либо предмета мебели - на восходящем потоке воздуха. Выходило, что Вадик либо не уважает собеседника, вальяжно развалясь на воздушной перине, либо же подобострастно пал ниц пред высоким гостем.

- Пробуйте, это не сложно, - подбодрил незнакомец.

Вадик попробовал, это действительно оказалось несложно. Теперь легкий ветерок проникал в штанины джинсов,

под полы клетчатой рубашки навывпуск, чуть раздувал рукава курточки, обвевал подбородок свежестью, словно гель после бритья. И вот уже два собеседника сидят друг напротив друга и смотрят друг другу в глаза: незнакомец - с лукавцей, Вадик – с некоторым смущением. Ситуация была, мягко говоря, необычной, даже для нетрезвого человека.

Белой горячкой это видение быть никак не могло. Вадик знал, что алкогольный делирий, он же белая горячка (в простонародье «белочка»), наступает не у пьющего человека, а у того, кто пил-пил да бросил. Настигает где-то на третий-четвертый день. Отец когда-то так объяснил ему механику этого процесса:

- Есть, - говорил отец, - такой жестокий анекдот про мышку и шкварочку. В мышеловку клали шкварку и бритвочку. Работала мышеловка просто. Мышка проходила мимо, видела приманку, говорила: «Ах, какая вкусная шкварочка!», брала бритву и перерезала себе горло. Но по просьбе начальства рационализаторы еще более упростили модель мышеловки – убрали шкварочку. Теперь мышка проходила мимо, удивлялась: «Ах, где моя вкусная шкварочка?», брала бритву и перерезала себе горло. Механика «белочки» приблизительно такая же. Наш мозг – это мышка, алкоголь – это шкварочка. Когда мозг лишают привычного ему алкоголя, он в ужасе произносит: «Ах, где мой вкусный алкоголь?», берет бритву и перерезает связь с действительностью.

- Фридрих, - усач протянул руку, чуть привстав со своего

невидимого стула.

- Ницше? – вырвалось у Вадика.

Усач рассмеялся – громко и заразительно. Отсмеявшись, промокнул усы синим платком. Попытался продолжить разговор, но не смог – снова прыснул в усы. Наконец Фридрих справился с приступами веселья, для этого пришлось сменить фривольную позу и выровнять спину.

- Сколько Фридрихов на свете, но почему-то всегда вспоминают Ницше. Поэт – Пушкин, фрукт – яблоко, дерево – дуб. Примитивный круг ассоциаций. Простите, не хотел обидеть.

- Но получилось, - насупился Вадик.

- Шиллер, Шлегель, Паулюс, Энгельс... Поэты, музыканты, генералы, ученые всех мастей. Одних королей, курфюрстов и кайзеров – целый сонм. Но как только Фридрих, так сразу – Ницше. О, это замечательно, молодой человек, - поспешил примиряюще улыбнуться Фридрих (под усами улыбка почти спряталась). – Философия – наука всех наук, основа знаний, труды по философии - своеобразная исповедь ее автора, нечто вроде невольных и бессознательных мемуаров, а потому философ и выныривает первым из лимба Вашей памяти.

- Значит, Вы все-таки философ?

- Да какой философ? – Фридрих даже отмахнулся и пренебрежительно отвернулся от подобного несостоятельного утверждения. – Философы лишь играют с человеческими

предрассудками, преувеличивают их по своей воле. А мы с Вами в настоящий момент заглянули в глубь самой мироотрицающей из всех возможных философий – по ту сторону добра и зла. Так что нам с Вами нужно научиться смотреть с высоты в каждую даль, из глубины в каждую высь, из-за угла в каждое пространство.

- Так Вы не Ницше? – Вадик слушал невнимательно. «Зачем прыгал? Куда прыгнул?» - крутилось у него в голове.

- Давайте договоримся так, - подумав, предложил собеседник. – Фридрих – имя древнегерманское, многозначное. Можно распаковать его семантику как «мирный правитель», а можно и как «правитель мира». Настоящие же философы – это и есть повелители и законодатели. Их «познание» есть творчество, их творчество – законодательство, их воля к истине есть воля к власти. Пусть я буду для Вас просто Фридрихом – со всеми значениями, вытекающими из моего имени. Мирным правителем мира.

- А я для Вас – просто Вадиком, - почти огрызнулся Вадик, он еще таил обиду на Вакха за «вадить» и «наводить смуту». – И не нужно мне распаковывать никаких семантик. Скажите лучше, куда мы падаем, раз уж Вы правитель этого мира.

- В ад! – Фридрих сдвинул мохнатые брови и сделал грозное лицо.

Но не смог выдержать паузу и снова громко рассмеялся. Пришлось доставать из внутреннего кармана сюртука синий

платок и в который раз промакивать усы.

– Сами виноваты, молодой человек, - пожурил собеседника Фридрих. - Вы же только что недвусмысленно сравнили себя с Данте, а меня с Вергилием. Помните: в «Божественной комедии» Вергилий был экскурсоводом автора? О послепопуденное время моей жизни! Вы, кстати, земную жизнь прошли до половины, раз оказались в этом сумрачном лесу?

- Значит, в ад, - подытожил Вадик, игнорируя вопрос о возрасте.

- Не ерничайте, - Фридрих даже рукой махнул на такие пустяки. – Во-первых, почему Вы решили, что мы падаем?

- Движение вниз называют падением.

- Да где ж тут низ? – Фридрих развел руками. – Все умеют говорить, никто не умеет понимать. Все падает в воду, ничто уже не падает в глубокие родники. Падают с вершин. А разве мы на вершине?

- Я абсолютно не понимаю, где мы, - признался Вадик.

- Точно не на вершине, - заключил Фридрих, осмотревшись. – Смотреть вниз на самого себя и даже на свои звезды – лишь это назвал бы я своей вершиной. Где Вы в этой бездне видите низ? Или верх? Или право-лево? В этой бездне, как и в любой другой, - ни дна, ни потолка, ни стен. Бездонье. Безстенье. Все направления равны. Сами себе их выбираем, назначаем, называем, сами прокладываем дороги, ставим цели и стремимся к ним, опираясь на самовнушенные – или навязанные, что хуже, - ценности. И стены тоже сами

себе строим. И дно сами определяем, чтобы было обо что расшибиться. И небо тоже придумываем, чтобы было куда голову задирать. Ах, есть так много вещей между небом и землей, мечтать о которых позволяли себе только поэты!

- Есть и другие бездны?

- Да сколько угодно! – радостно заявил Фридрих. – У Вас вот – одна, а у Вакха, например, – другая. Кстати, Вы знали, что прежде в народе всех актеров, всех этих комедиантов, в которых нет ничего натурального, называли «льстецами Вакха». Помню, он немало смеялся над этим прозвищем.

- Где он, кстати? – вспомнил Вадик. – Мы вместе прыгали, на «раз-два-три». Я тут, а его нет. Обманул?

- Вакх? Обманул? Что Вы! Не наговаривайте. Честнейший человечик. Вакх только задает тему, подсказывает направление и создает настроение, а обманывают люди себя совершенно самостоятельно. А про «раз-два-три» Вы очень верно подметили – он всех так опрокидывает, его любимая фишка. И поверьте: он таки прыгнул, он это дело – прыгать в бездну – любит, ценит, уважает, а главное – умеет. Просто, повторю, у него бездна своя. Там он ныне и пребывает. Он, честно говоря, всегда в своей бездне. Выбирается иногда, на мир посмотреть и чтобы таких, как Вы, на «раз-два-три» опрокинуть.

- Таких, как я? – Вадик приготовился к новой обиде.

- Это комплимент, - заверил Фридрих. – Не каждому выпадает счастье обрести свою бездну. Да и с Вакхом запро-

сто поболтать – это редкое везение. Тем более сыграть в его «раз-два-три».

- Велико счастье, - Вадик саркастически скривил губы.

- Счастье мужчины называется «Я хочу». Раз вы прыгнули, пусть и подстрекаемые Вакхом, его игривым «раз-два-три», значит, все же хотели сюда, в свою бездну.

- А счастье женщины как называется?

- Счастье женщины называется «Он хочет», - с готовностью ответил Фридрих. – Такова жизнь. Вы просто еще не осознали, насколько Вам повезло. Не обрели свой дао.

- Дао? – Вадику это слово казалось крайне избитым. – Нет, Вы точно не Ницше. Нестыковка по терминам.

И снова громкий смех. Фридрих определенно был настроен позитивно.

- Вы об этике Конфуция? Или о великом пределе Лао-цзы? Или в целом – о так называемом «пути вещей»? Вы думаете, из уст экзистенциалиста и постконструктивиста подобные философемы звучат пошло? – спросил Фридрих сквозь усы и синий платок. – А знаете, я согласен! Что такого ценного даосские идеи могли бы дать нам? Давайте поскорее сбежим от этих клинобородых старцев, чтобы не взять у них ничего лишнего!

И Фридрих действительно довольно бодро поднялся со своего воздушного невидимого стула. Вадику пришлось последовать примеру своего наставника в мире бездны.

- И куда мы побежим? – спросил Вадик, оглядываясь по

пустым сторонам.

Фридрих заметил растерянность собеседника и снова улыбнулся.

- Для Вас, молодой человек, в этой бездне открыты все пути, осталось выбрать свой.

- Ага, свой дао, - съязвил Вадик.

- Да хоть бы и дао, - не стал спорить Фридрих. - Какая разница, как назвать направление, в котором совершаешь движение: путь, призвание, судьба, карма, дао. Вы попробуйте осознать безграничность открывшихся возможностей. В своей бездне Вы...

- Всемогуший?

- Ну, почти. Всемогущество – это не о том, что Вы можете. Даже у богов свои ограничения. А для Вас здесь ограничений нет. Во всяком случае, нет границ в принятии решений. С колодезной рыбешкой нельзя толковать о великом, так как она ограничена пространством. С летними насекомыми нельзя толковать о холодах, так как они ограничены временем. И даже с изворотливым ученым, - Фридрих самодовольно погладил, ровняя, свои моржовые усы, - нельзя толковать о совершенном дао, так как он связан расхожим мнением, на нем путы учения. На Вас есть путы учения?

- Школа, институт, работа. Как у всех, - Вадик пожал плечами.

- Я не об этом, - отмахнулся Фридрих.

- Вы опять про дао, - поморщился Вадик.

- Чтобы закрыть тему, - успокоил Фридрих. - Дао подобно чаше с вином, что стоит на перекрестке дорог: проходящие пьют кто много, кто мало – по-разному, но каждый столько, сколько ему нужно.

- Вам не идет, - констатировал Вадик. – Все эти притчи и назидательные сравнения притянуты за уши.

- А что мне идет? – прищурился Фридрих.

Вадик побродил меж полук памяти, поискал все, что мог найти на литеру «Н» - «Ницше», но сумел вспомнить только одно:

- Что-нибудь о сверхчеловеке.

- Современный сверхчеловек живет в смутное время, прячет в себе добродетели, таит в себе дао, скрывает беспредельный свой ум, сковывает уста, прекращает речи, - откликнулся Фридрих с готовностью. – Вместо того, чтобы без слов проникаться благом, в спокойной радости, не зная гордыни, обретать гармонию. В природе все согласуется с дао без усилий, но вместо естественного люди создали человеческое дао, которое служит интересам одних, но причиняет зло другим.

- Нужно что-то делать, - Вадик снова осмотрелся, но глазу по-прежнему не за что было зацепиться. – Мы так и будем стоять во мраке и вести бестолковые разговоры?

- Вы переживаете свой Великий полдень, молодой человек. Великий полдень – когда человек стоит посреди своего пути между животным и сверхчеловеком и празднует свой

путь к закату как свою высшую надежду: ибо это есть путь к новому утру. Дао не обрывается собственными усилиями и не от них утрачивается, - наставительно сказал Фридрих, подняв указательный палец.

- Думаю, Вы сейчас шутите, - сказал Вадик серьезно. – Вы предлагаете мне искать свой дао, словно сказочный царь, что посылает Ивана сходить туда, не знамо куда, и принести то, не знамо что.

- Дао, которое можно выразить словами, не есть истинное дао, - Фридрих дал очередное наставление и захихикал.

- Идемте, - настаивал Вадик. – Нельзя же стоять на месте.

- Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное дао. Чем дальше идешь, тем меньше познаешь. Поэтому совершенномудрый не ходит, но познает всё. Не видя вещей, он проникает в их сущность. Не действуя, он добивается успеха, - начал Фридрих с наставническим пафосом, но увидев, что Вадик закипает, сжалился и стал серьезен. - Вижу, Вам все же необходимы ориентиры. Так создайте их. Как вы привыкли ходить? Как выбирать направление?

- Ногами, - Вадик пожал плечами. – По дороге. Куда дорога ведет, туда ноги и идут.

Они уже шли по тенистой аллее сада.

- Вот видите, как все просто, - Фридрих сделал приглашающий жест, и странная парочка неспешно двинулась по грунтовой дороге меж кленов, кипарисов, яблонь и олив.

Глава 3. Лицей

Человек, опирающийся исключительно на свои чувства и ум, видит мир как нечто чрезвычайно дробное, хаотическое, множественное, изменчивое и непрочное. Наоборот, перед внутренним взором мудреца мир предстает как нечто единое, целостное, взаимосвязанное и покоящееся на прочной основе.
«Хуайнаньдзы»

- Пропало ощущение падения? – заботливо спросил Фридрих.

- Какое же теперь падение? – удивился Вадик. – Это аллея какого-то парка. Теперь понятно, что мы идем прямо, вот право, вот лево, вот верх, вот низ, все встало на свои места.

- Но тем не менее мы по-прежнему падаем, - возразил Фридрих с улыбкой. – Или взлетаем.

Вадик даже поморщился от такого противоречия. Заметив это, Фридрих со своей неизменной улыбкой сквозь усы предложил:

- Представьте себе такую забавную ситуацию, когда кто-то старательно карабкается вверх, а кто-то стремительно падает вниз. И вот встречаются где-то посередине бесконечности, здороваются: «Привет!» - «Привет!». «Ты куда?» - спраши-

вает тот, кто лезет вверх. «Я вверх!» - отвечает тот, кто летит вниз. У обоих - радостная улыбка и полное ощущение счастья. Так что, когда карабкаешься вверх, для других ты вполне можешь лететь вниз. Кого слушать – себя или того, кто навстречу? Кто из них настоящий альпинист? Кто верно ощущает не настроение, а направление?

- Без понятия, - сказал Вадик раздраженно.

- Мы по-прежнему в пределах, а вернее – в беспределье Вашей бездны, - продолжил Фридрих. - То, что Вам захотелось падать и при этом двигаться прямо, - всего лишь Ваше решение. Когда Вы приняли такое решение, Вы тут же создали под него необходимый сеттинг, фон, антураж, начиная от тропы под ногами, заканчивая вот этими деревьями, растущими в довольно-таки эклектичном сочетании.

- Как такое может быть?

- О, может быть и не такое! А на вопрос «как» тоже никто, кроме Вас, ответа не даст. Это же Ваша бездна. Но для сравнения... Вы читали роман Афанасия Писемского с многообещающим названием «Масоны»?

- Нет, не читал, - признался Вадик. – И не собираюсь.

- Мудрое решение, - похвалил Фридрих. – Наивные сантименты в пяти частях. В основном, о том, как полувековые мужчины влюбляют в себя юных дам. Дамы отдаются мудрым мужам сиим, ибо те многознающие и добрые масоны. Но есть и другая группа героев – молодые картежники, шулера, трнжиры и пропойцы. Эти персонажи гнилы и разврат-

ны, ибо они не масоны. Но юные дамы все равно увлекаются ими, поскольку крайне редко из женщины может выйти истинная масонка, а значит, порокам девы отданы. И вот так несколько сотен страниц масонские доброта и мудрость борются с глупостью, грехом и распутством.

- Я в восхищении, - съязвил Вадик. – Но так и не понял, как бездонная пустота вокруг нас внезапно превратилась в парковые насаждения.

- Роман «Масоны», - Фридрих не обратил внимания на сарказм собеседника, - повествует о чем угодно, только не о масонах. Нет в нем никаких разъяснений «по существу». Автор, в меру ограниченного понимания своего, видит суть масонства исключительно в самосовершенствовании, и то – в каком-то одностороннем самосовершенствовании, в сторону фасадной религиозности и бестолкового абстрактного мудрствования, «умного делания». Ах, да! еще обрядовая сторона описана довольно подробно. Догматы, каноны, обряды – словно начинающий художник провел по холсту синей краской и сказал: «Вот такой он – океан». Но сам океан – с его глубинами, рельефом дна, подводными течениями, обитателями и тайнами – все это осталось вне холста, поскольку сам художник обо всем этом не имеет никакого представления.

- Я все еще в недоумении.

- Вы спросили, как такое может быть, - Фридрих сделал акцент на слове «как». – Вот и ответьте себе сами на вопрос, как Вы создали парковую аллею в собственной бездне. Ответ

Ваш может оказаться мазком дилетанта, а может сложить подробнейшую «безднологию», которая станет учебником для будущих поколений. Хотя одно не исключает другое.

- О чем Вы?

- О том, что можно поставить точку, из точек сложить линию, из линий изобразить плоскость, из плоскостей создать любую фигуру. Так что все многообразие мира в итоге сводится лишь к одной точке.

- То есть Вы хотите сказать, что я создал этот парк силой собственной мысли? – Вадик снова поморщился – теперь уже от «матричного» предположения, но собеседник поспешил разубедить его.

- Что Вы! – воскликнул Фридрих. – Это же солипсизм чистейшей воды, какая-то крайняя форма субъективизма. Неужели вы могли подумать, что я втяну Вас в такое бесовское картезианство? Нет, если Вам комфортно озирать окружающий мир именно в таком формате, то кто ж запретит? Но, на мой взгляд, вопрос не в том, что человек, составляя с богами, созидает новые миры, а в том, что человек живет в мире своих мыслей. Каковы мысли – таков и мир. Понимаете?

- Не вижу особой разницы, - признался Вадик.

- Не беда, - беззаботно отмахнулся Фридрих. – Мы с Вами, как и все прочие, невольно сосредотачиваем свое внимание на словах, а не на самой сути вещей. А суть не передать словами.

- Просто Вы не хотите четко и толково отвечать на мои вопросы, - возмутился Вадик. – Мудрствуете, уводите в дебри зауми.

- Хочу! – горячо воспротивился Фридрих такому обвинению. – И стараюсь изо всех сил. Но возможности слов ограничены. Значения слов, даже самых простых, мы с Вами понимаем по-разному. А некоторые смыслы и вовсе так отстранены от обыденности, что их вообще невозможно облечь в слова.

- Как мое низвержение в бездну?

- Например, - быстро согласился Фридрих. – Или вот. Представьте, что вы увидели Бога. Вокруг вас толпа народа – требуют, просят, умоляют: расскажи, каков он. И вы, подумав минут пять-шесть, выдаете: он совершенно не похож на муравьеда.

- А он похож? – спросил Вадик с интересом.

Фридрих задумался на мгновение, даже приостановился, но морщинка меж бровями недолго украшала его чело.

- Нет, конечно, - с веселой уверенностью ответил он. – С чего Вы взяли? А с другой стороны, откуда мне знать? У каждого свои боги. Весьма вероятно, что пред шумерами, ацтеками или древними египтянами боги представляли именно в таком обличье. А уж для муравьев лучшего бога, чем муравьед, и придумать сложно.

- Тогда о чем Вы?

- Я о том, что мы, утверждая собственную исключитель-

ность, неповторимость, эксклюзивность, избранность, всего лишь определяем, что мы не похожи на муравьедов. А любая попытка конкретизировать наши уникальные качества оказывается беспомощной, потому что каждым «уникальным» качеством, кроме нас, обладают еще сотни тысяч человек.

- Никогда не думал об этом, - признался Вадик.

- Так всегда бывает со словами и смыслами, - утешил собеседника Фридрих. – Нам проще сравнивать, отталкиваться от привычных образов, чем создавать образы новые. При атрибуции абстрактных представлений возникают именно такие сложности.

- Уточните.

- Собственно, в моем примере сложности у говорящего две: субъективная и объективная. Почему, уповая на свою «непохожесть», мы легко отталкиваемся от других, но теряемся и мямлим, пытаясь определить себя без каких-либо сравнений?

- Почему? – эхом отозвался Вадик.

- Либо мы просто не хотим признавать нашей «серийности», «фабричности», «массовости», при том, что на самом деле являемся лишь вариантами сборки конструктора, состоящего из типовых деталей. И в этом наша субъективная причина.

- Либо?

- Либо слово со всем его семантическим веером – слишком грубый инструмент, чтобы дефинировать такие исклю-

чительные понятия, как «Бог» или «Я», а других понятийных инструментов мы не имеем, ибо с раннего детства приучены быть рабами слов.

- Мы ходим кругами, - заметил Вадик.

- Вы о беседе или о нашей прогулке? – улыбнулся в ответ Фридрих.

- О том и о другом.

- Такова Ваша воля, - Фридрих пожал плечами. – Вы сами выбрали эту локацию. И эту тему разговора.

- О чем Вы? – снова не понял Вадик, слишком часто он не понимал Фридриха, либо собеседник был слишком умен, либо сам Вадик оставил ум в питейном подвале.

- То место, где мы с Вами имеем счастье прогуливаться, - Фридрих указал на здание в просвете меж кипарисов и олиф. – Разве Вы не узнаете это строение?

- Ряды колонн и крыша домиком, - заметил Вадик без всякого пиетета. – Что-то в греческом стиле.

- А в каком же еще стиле может быть построено святилище Аполлона Ликийского близ древних Афин? – объявил Фридрих, выдержав интригующую паузу.

- И почему мы здесь? – растерялся Вадик.

- О, я знал, знал, что Вы не так просты, как хотите казаться, молодой человек! – радовался Фридрих. – Бездна извлекает конструкты из Вашего подсознания. Видимо, читали когда-то, хоть сами и не помните. Или помните? Почему, например, Аполлон получил прозвание Ликийский?

- Понятия не имею, - не соврал Вадик.

- Это занятная история, - Фридрих мечтательно возвел очи горе, как учитель, упоенный любимым предметом. — Аполлон, скорее всего, в Древнюю Грецию перебрался из Малой Азии, из Ликийи.

- Понятно, - Вадик не обнаружил в этой истории ничего занятного.

- Еще не все, - продолжил Фридрих. — В Европу праиндоевропейский «влок» пришел в разных фонетических формах: «волк», «вилкас», «вольф», «вук». В древнегреческой фонетической вариации «волк» превратился в «ликос», он же «люпус» в Древнем Риме. Так что прозвище «Ликийский» может с равным успехом обозначать и «выходец из Ликийи», и «волчий».

- Действительно занятная история, - согласился Вадик.

- И снова не все, - улыбнулся Фридрих. — «Ликийский» может обозначать также «Светоносный», от «люкс» - «свет». И все это можно смешать в одно фонетико-семантическое рагу, поскольку эллины связывали волков с лунным сиянием.

- Потому что волки воют на Луну, - догадался Вадик.

- И раз пред нами столь известный храм, - Фридрих вернулся к спрятавшимся за деревьями строениям, — значит, где-то рядом гимназия Аристотеля. А если быть точным — знаменитый Ликей, или Лицей в римском прочтении.

- Гимназия и лицей — это разные учебные заведения, -

буркнул Вадик, который действительно не помнил, когда и что читал о некоем Аполлоне Ликийском.

- Да, но не эта, - возразил Фридрих. – Эта гимназия Аристотеля близ Ликийского храма, в честь которого и получила второе название. Так что это первая и единственная гимназия Лицей в истории. А мы с Вами гуляем в этом славном саду, как истинные перипатетики! – Фридрих был в почти-тельном восторге.

- Мы с Вами кто? – переспросил Вадик.

- Перипатетики, - повторил Фридрих и тут же любезно пояснил. – По-гречески – те, кто прохаживаются по кругу. Была у Аристотеля такая привычка – прогуливаться с учениками и делиться мудростью на ходу.

- Рядом с колоннами целая группа зданий, - разглядел Вадик и невольно направил стопы свои на новые ориентиры. – Кампус? Учебные корпуса? Общежитие лицеистов?

- Не думаю, - улыбнулся Фридрих. – Скорее всего, Ваше сознание соорудило некий коктейль из обрывков знаний, объединив Лицей Аристотеля и Академию Платона.

- Я и не предполагал, что у меня в этой области есть хоть какие-то обрывки знаний, - признался Вадик.

- Как видите есть, но колонны Ваших знаний не столь стройны, как в храме Аполлона. И не мудрено, - Фридрих тут же нашел оправдание. – Жили философы в одно время, дружили, Аристотель даже учился у Платона в его Академии. Правда, закончилась их дружба легендарным «Amicus Plato,

sed magis amica veritas».

- Переведите! – потребовал Вадик.

- Это уже латинская калька с греческого, - пояснил Фридрих. - В переводе означает: «Платон мой друг, но истина дороже».

- Что же не поделили эти мудрецы? – усмехнулся Вадик.

- Как водится у мудрецов, они не поделили истину. Поспорили об эйдосах. Об идеях, проще говоря. Платон считал, что идея абстрактна, витает, так сказать в воздухе, Аристотель же утверждал, что идея конкретна и содержится в каждой вещи.

- Какой кошмар! – посочувствовал Вадик. – В наше время за такое поубивали бы друг друга.

- И не говорите! – согласился Фридрих. - Однако по многим философским позициям учитель и ученик имели схожие взгляды. Например, их отношение к государству...

- Протестно-критическое? – усмехнулся Вадик, который сам видел в государственных институциях многие беды и немалые ограничения личностных свобод.

- Напротив! – горячо возразил Фридрих. – Аристотель вообще не представлял себе жизнь человека вне государства. Считал: если человек хочет жить вне государства, то он и не человек вовсе, а существо, недоразвитое в нравственном отношении.

- Сам он недоразвитый, - неожиданно обозлился Вадик на ни в чем не повинного Аристотеля.

- Животное, - подтвердил Фридрих и тут же пояснил. – Не Аристотель, конечно, а человек вне государства - животное. Или божество. Сверхчеловек, - и улыбнулся более привычному термину. - А Платон – так тот был совсем категоричен. Он считал, что если кто юностью, неразумием и наглостью распаляет свою душу так, что считает, будто ему уже не нужен ни правитель, ни руководитель, но будто он сам годится в руководители другим, - такой человек остается позади, будучи лишен бога.

- У нас каждый второй убежден, что все люди как люди, а он один такой – бог! – усмехнулся Вадик.

- Если человек считает, что он бог, значит, так оно и есть, - Фридрих небрежно пожал плечами.

- Как же! – возмутился Вадик. – Особенно эти эксперты хреновые, что всюду лезут со своими советами.

- Прошу прощения, - переспросил Фридрих, - Вы сказали «хренОвые» или «хрЕновые»?

- А есть разница?

- Безусловно, - серьезно подтвердил Фридрих. - Если поставить ударение на второй слог, вот так – «хренОвый», то слово обретает значение «эксперт низкого качества, плохой эксперт».

- О них и говорю.

- Врач, который не вылечит; педагог, который не научит; водитель, поездка с которым будет не удобством, а пыткой; пивовар, который вместо янтарной радости наполнит Вашу

кружку химической мочой, и так далее...

- Совершенно верно, я о них.

- А вот если поставить ударение на слог первый, «хрЕновЫй», - не смутившись, продолжил Фридрих, - то мы получим полное отрицание качества, «антиэксперт», человек, который вмешивается в те области, где его знания, умения и навыки не только не принесут пользы, но и могут нанести немалый вред.

- Пока не вижу особой разницы, - признался Вадик. – Вы уж, Фридрих, не обессудьте, но я по-прежнему не понимаю, что происходит. Сплю я, а может, уже опрокинулся там, в подвальчике, умер и теперь в аду.

Фридрих вдруг раздвинул усы так, что они легли не единой щетиной, а узкими полосками по обеим сторонам носа, словно вырос на голову, округлил глаза и, нависая над перепуганным Вадиком, заговорил командно-грозным криком:

- Ад! – кричал Фридрих (или уже не Фридрих?) прямо во вспотевший лоб обомлевшему Вадiku. - Знаешь ли ты – ад?.. В пустошной вселенной над твердью сотворен... Бездна преглубокая (при слове «бездна» Фридрих подмигнул или дернул круглым глазом), мрак и тартарары. Планеты его кругом обтекают, там студень лютый и нестерпимый... Там огонь негасимый... Черви и жупел! Смола горящая... Царство антихриста! Туда хочешь?

- Нет, - только и смог проблеять Вадик.

- Правда похож? – похвалил себя Фридрих.

- На кого?

- Как не стыдно, молодой человек, - расстроился Фридрих. - Я тут драму изображаю по всем правилам, а он даже не узнает. Что ж мне, треуголку еще надо было взгромоздить? Петр это, Петр Первый, он же Великий.

- Можно дальше про экспертов? - взмолился Вадик. - Про ад слишком жутко получается.

- Конечно! - тут же сжалился и миловал Петр Великий, который снова стал Фридрихом. - Например, я, учитель, превращусь в хрЕнового эксперта, если буду давать советы сантехнику, как чинить смеситель, электрику буду рассказывать, как фазы распределять, столяру - как древесину сушить и морилкой обрабатывать.... То, что в народе называют «токарь, пекарь и аптекарь» или «и печник, и плотник, и на мышей охотник». В общем, «я мастер на все руки, я зайчик, тум-бара-бум, я весельчак», - и Фридрих весело выбил дробь на пеньке, бог весть как оказавшемся в стройных рядах аллеи. - Как говорит наш общий знакомый Вакх, каждым делом должны заниматься специально обученные люди, а не эксперты хреновы...е. Так что пусть в Вашей, молодой человек, жизни будет как можно меньше хренОвых экспертов, а вот экспертов хрЕновых гоните метлой и тряпками, пусть не смеют совать носы свои в те области, где по праву окружающие признают экспертом именно Вас.

Фридрих подвел итог разговору и выжидательно глянул на собеседника, словно предлагая задать тему новой беседе.

Но Вадик не хотел задавать никаких тем, он хотел, чтобы это наваждение кончилось, и он снова очутился в питейном подвале, а еще лучше — дома, под боком той девушки, с которой живет вместе, или пусть даже под боком той, к которой периодически заглядывает. И еще думал Вадик, а в чем же он, собственно, может назвать себя экспертом. Недавний студент непонятной специальности, подрабатывающий фрилансом, состоящий в непонятных отношениях, которые, скорее, удобны, чем приятны. И в других отношениях, которые все-таки приятны, но совершенно неудобны. Иногда — да-да — даже поигрывающий в покер на каких-то «международных» сайтах сомнительного содержания. Обычный парень, имя таким легион.

Глава 4. Дятлы Даннинга-Крюгера

*Достоинство человека — в его жизни,
а не в смерти, в соединении духа с плотью,
а не в отделении духа от плоти,
в соединении индивидуальной судьбы личности
с исторической судьбой мира,
а не в отделении личной судьбы от мировой.*
Бердяев. «Философия свободы»

Поскольку Фридрих не дождался отклика, то жестом предложил продолжить движение к далеко-близким здани-

ям в конце аллеи. Вадик даже не пытался вспомнить, какое из них святилище Аполлона, какое – гимназия Лицей Аристотеля, а какое – Академия Платона. Законы перспективы тут не работали, строения казались то недостижимо далекими, то близкими – сделай шаг и входи под колоннады.

- Вы насупились, - заметил Фридрих с укором. - Серьезность противников следует убивать шуткой, шутку же – серьезностью.

- Мы противники? – Вадик и не думал «рассупливаться».

- Ах! нет же! Совсем нет! – рассмеялся Фридрих. – Мы хорошие собеседники. И, раз уж Вы здесь оказались, нам волей-неволей придется взаимодействовать.

- Драться? – съязвил Вадик.

- Безусловно, драка – тоже способ взаимодействия, - сказал Фридрих после некоторого раздумья. – А Вы драчун?

Вадик усмехнулся и покачал головой: нет, мол, драчун – не про него. Драться Вадик действительно не любил, потому что не умел. Вадик вообще не любил делать то, что не умел, а поскольку его умений насчитывалось крайне малое количество, то выходило, что он почти ничего не любил делать. И снова к вопросу о том, в чем же, собственно, Вадик имел право считать себя экспертом.

Нет, его малочисленные товарищи, а также редкие друзья и, конечно же, близкие физически подруги (духовную близость он пока не ощутил ни с одной, пару раз казалось - да, но – нет) хвалили его за многие «способности». Вадик умел

наливать пиво в бокал без пены, умел проталкивать пробку в винную бутылку пальцем, а пивную мог открыть любым предметом – от вилки до зажигалки, неплохо играл в настольные игры, владел английским языком на уровне бытовой беседы, знал несколько карточных фокусов, танцевал немного странновато, но девчонкам нравилось. Даже на укулеле выучил несколько песен, особенно заходила в компании суровая летовская «Все идет по плану». А вот экспертом ни в чем он себя назвать не мог.

- Ну, раз Вы не драчун, а просто бука, - решил Фридрих, - то будем взаимодействовать вербально. И у нас множество предметов для беседы. Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо из них в отдельности от всех прочих, - после этих слов Фридрих рассмеялся и смех его не смолкал так долго, что Вадик забеспокоился.

- Не зашла шутка? – наконец спросил Фридрих сквозь влажные усы.

- Не зашла, - признался Вадик. – Если это была шутка.

- Это был Декарт, - приуныл Фридрих. – Ну да ладно! Вот что Вы, например, знаете об Аристотеле, которого так забавно-эkleктично актуализировало Ваше подсознание?

- Он учил Александра Македонского, - буркнул Вадик, совершенно не будучи уверенным, что только что не придумал этот исторический «факт».

- Да, все так, Аристотель был наставником Александра Ве-

ликого, - кивнул Фридрих с уважением.

- Слишком много «Великих», - сказал Вадик.

- Великими властителей называют потомки, - подумав, ответил Фридрих. – Так же, как, скажем, «Комедию» Данте «Божественной» назвал Бокаччо уже полвека спустя. А вот властителей возвеличивают не всегда за благие дела.

- Что ж такого натворил этот самый Александр, прозванный Великим? Ну, кроме того, что завоевал полмира?

- Вот именно! Завоевал полмира! – Фридрих даже всплеснул руками. – За-во-е-вал! То есть разорил, уничтожил целые культуры, религии, страны, цивилизации. Вот что, например, вы знаете о маздеистах?

- О ком? – Вадик показалось, что Фридрих сказал бранное слово.

- А ведь это одна из древнейших до сей поры существующих религий на Земле, - пояснил Фридрих. – Маздеизм – потому что главное животворящее начало, добро, носит имя Ахурамазда. А его противник, злое начало, известен под именем Ариман.

- Что-то слышал, - Вадик действительно что-то слышал, все-таки диплом имел заведения высшего, хотя и по специальности непонятной.

- Более известна религия под другим названием – зороастризм, по имени пророка Зороастра, или Заратуштры, зависит от фонетических предпочтений. И Ваш покорный слуга, - тут Фридрих театрально поклонился, - приложил к тому

немало стараний.

- «Так говорил Заратуштра»! – к Вадику вдруг пришло озарение.

- Не сомневался в Вашей начитанности, - Фридрих повторил поклон, а Вадик не стал уточнять, что этот труд Ницше (как и любой другой) он не читал, а лишь слышал название. – Так вот, зороастризм, или маздеизм, - простая, честная, чистая система религиозных установок, отголоски которой мы найдем и в исламе, и в буддизме, и в христианстве-иудаизме, и даже древние Веды, - тут Фридрих сделал «уважительные брови», - впитали в древнеиндийский пантеон зороастрийских богов - Митру, Варуну, например. А уж зороастрийских дэвов, или давов, или дивов, под разными именами знают практически все развитые мифологии мира.

- Демоны! – сказал Вадик, не догадываясь, что попал в точку.

- И они тоже, - улыбнулся Фридрих в ответ. - Зороастризм держится на трех китах: благие мысли, благие слова, благие деяния.

- На этом все держится, - сказал Вадик.

- Все человеческие отношения, вся деятельность, а значит, вся человеческая цивилизация, - подтвердил Фридрих. - Некогда зороастризм господствовал чуть ли не на доброй половине цивилизованного мира – как самостоятельная религия, и уж точно присутствовал повсеместно как идея о триединстве мысли, слова и дела.

- И что с ним, зороастризмом, случилось? – втянулся в разговор Вадик.

- С ним случился Александр Великий, - улыбнулся Фридрих. – Всего за несколько лет Александр вместе со своими военачальниками-диadoхами и гвардией – «серебряными щитами» - прошелся огненным шквалом по всей Персии, - описывая эти мрачные события, Фридрих почему-то усмехнулся в усы, но тут же поспешил пояснить. – Я сказал «огненным шквалом», а ведь самих зороастрийцев называли огнепоклонниками, потому что в их храмах горел священный огонь, который неустанно поддерживали жрецы.

- Вечный огонь, - вспомнил Вадик традицию чтить священную память предков, погибших в войнах за Отечество.

- Да-да, это тоже – отголосок зороастрийской традиции, - подтвердил Фридрих. – Александр разорил все храмы, разграбил все города, расправился со всеми правителями персов – с династией Ахменидов, отдав новые владения одному из своих диadoхов – Селевку, который основал новую династию – Селевкидов. Но, как Вы понимаете, молодой человек, при Селевкидах зороастрийцы не были в чести, ушли, можно сказать, в подполье. До сей поры сохранившиеся остатки зороастрийцев считают Александра отнюдь не Великим, а признают его земным воплощением самого зла – Аримана. Ведущая религия мира превратилась в локальное верование, насчитывающее две-три сотни тысяч последователей.

- Мне Великим не стать, - усмехнулся Вадик.

- Вот и замечательно! – похвалил Фридрих, но тут же поспешил удивиться. – Это почему же Вы так думаете?

- Во-первых, я не властитель, - Вадик поднял большой палец. - А во-вторых, - Вадик поднял указательный, - мне столько дел не наворотить для потомков – ни благих, ни гадких.

- Раз Вы здесь, - Фридрих доверительно взял Вадика под локоть, - то все еще может быть. Личная бездна таит угрозы, но и предоставляет возможности. Без-гра-нич-ны-е!

Но Вадик уже занялся самокопанием. Три десятка лет прожиты и растрочены, цели не то чтобы не достигнуты, цели даже не поставлены. Как можно добиться того, что не поставлено? Какая-то глухая пустота вкралась в легкие и пошла метастазами. Словно в детском фильме «Бесконечная история» Вадикина Страна Фантазия стала таять, рушиться изнутри. И, как оказалось, снаружи.

- Осторожнее! – обеспокоенно воскликнул Фридрих. – Что Вы такого накрутили себе на мысли и нервы? Вы подвергаете опасности не только себя, но и меня, а я-то в чем провинился?

Аллея эклектичных деревьев плыла зелеными волнами, греческие здания преобразились в уродливый хайтек – словно топором вырубленные здания с уродливо выступающими сегментами и плоскими крышами, прямая тропа извивалась желтой змеей. Под ногами вновь ожила зыбь, Вадик и Фридрих провалились сквозь грунт тропинки, падение продол-

жилось.

- Что происходит? – спросил Вадик.

- Себя спросите, - Фридрих принял изначальную позу – присел на невидимый стул и закинул ногу на ногу. – Что-то случилось с Вашей самооценкой. А самооценка – это штука мирообразующая, конструкт из области аксиологии и телеологии.

- Чего?

- Ценности и цели, - пояснил Фридрих. - У Вас с ними непорядок. Разлад, разброд и шатание.

- И что мне с этим делать?

- А Вы слышали об эффекте Даннинга -Крюгера?

Вадик посмотрел на Фридриха с обидой, и Фридрих поспешил исправить ошибку и дать необходимые пояснения.

- Есть в психологии такая метакогнитивная шутовина, - слово «шутовина» Фридрих вставил из снисхождения. - Искажение в оценке собственных способностей, сделанных выводов, принятых решений, полученных результатов. Этот эффект был описан в 1999-м году «великими», - тут Фридрих презрительно встопорщил усы, - американскими профессорами, чье имя он и носит с тех пор. А Ваш скромный соотечественник Иван Ефремов, не претендуя на ученое первенство, описал, как работает такое искажение, в романе «Час быка» еще в 1968-м.

- В чем суть?

- Суть «эффекта Даннинга-Крюгера» такова, - быстро и

с готовностью продолжил Фридрих, - человек Незнающий считает себя человеком Знающим и не может понять меру своего незнания, потому что он по определению человек Незнающий.

- Ничего не понятно, - признался Вадик.

- Звучит сложно, - согласился Фридрих, - однако, уверен, Вы неоднократно встречались в жизни с подобным явлением: профан мнит себя экспертом, а любое чужое мнение считает некомпетентным просто потому, что оно чужое.

- Поголовно, - кивнул Вадик.

- Вот-вот, - обрадовался Фридрих. - Если совсем просто: дятел не может понять, что он дятел, потому что он дятел.

- Очень образно и доступно, - Вадик позволил себе улыбнуться. – Скорее всего, про дятлов – это и про меня тоже.

- Это про всех нас, в той или иной степени, - не стал спорить Фридрих. - И все бы ничего: дятел тоже полезная птица, сидел бы себе на суку, долбился бы в дупла, спасал бы деревья. Но дятел же не понимает, что он дятел. Нет, наоборот, сам он орел, а всех других дятлами считает. И принимается учить: рыб – плавать, птиц – летать, змей – ползать, траву – зеленеть, мужиков – бухать, женщин – рожать, всех окружающих – жить. Расти, говорит дятел жирафу, работай, говорит дятел пчеле, учи историю, говорит дятел очевидцу событий, учи родной язык, говорит дятел туземцу.

Вадик слушал и понимал, что все это – именно про него, Вадика. Сколько раз он с умным хмельным видом высказы-

вал мнение, которое только что услышал по телевизору, или спорил о том, о чем понятия не имел, слышал в первый раз. Причем с уверенностью, что это его, Вадикино, мнение, и оно, это мнение, единственно верное.

- Везде он прав, со всеми не согласен, - Фридрих вошел в роль, встал и театрализовал каждую фразу жестами, мимикой, движениями тела. - Не приемлет дятел чужого мнения. Болит у дятла от чужого мнения голова. А самое неприятное во всей этой истории то, что дятлами-то не рождаются, дятлами становятся, причем с чьей-либо нелепой подачи. «Ты поэт!» - говорит собутыльник, и дятел начинает поэтить. «Ты гений!» - говорит друг, и дятел начинает гениалить. «Ты иной!» - шепчет шептун, и дятел начинает иначить. «Тут друг, а там враг», - говорят дятлу авторитеты (у любого дятла всегда есть более авторитетные дятлы, мнение которых он единственно и проглатывает), и дятел начинает тут любить, а там ненавидеть.

- Такова жизнь, - зачем-то вставил Вадик.

- Дятлы опасны, - Фридрих поднял руки с согнутыми растопыренными пальцами, как делает отец перед малышом, изображая волка, который вот-вот тебя съест. - Не успеешь оглянуться, как покраснеет твой хохолок и вот ты уже сам целишь клювом в чужие уши. Берегитесь дятлов!

- Буду! – отрапортовал Вадик с величайшей степенью готовности.

- Как распознать дятла? – Фридрих подмигнул, а Вадик

пожал плечами. - Да легко! Дятлы – это всегда «люди с убеждениями». Причем эти мнимые убеждения меняются со сменной внешних обстоятельств. Сегодня «компетентно» заявляет одно, а завтра – уже другое? Сегодня он тебе друг, а завтра – враг? Ну, вот, разве не дятел?

- Дятел! – согласился Валик и подумал: «Сам такой».

- Нейтрализовать дятла невозможно, - заявил Фридрих таким тоном, словно он не доктор философии, а доктор медицины. - Он всегда на вершине своего самомнения, оттуда, с вершины, ему сподручнее загаживать мозги окружающим и считать врагами всех, кто не вымазан его фекалиями.

- Как быть?

- От дятла можно только отстраниться, - Фридрих словно выписывал рецепт. - Затыкать уши, как только слышишь слово «эксперт», вежливо улыбаться и немедленно уходить в сторону, как только заслышишь «компетентное мнение». Эксперт никогда не будет рассуждать о своей компетентности. Если понадобится его мнение – выскажет, но не будет навязывать, если не спросят – промолчит.

Фридрих стих и перевел дыхание. Потом сказал уже тише, с некоторой грустью:

- Все мы немного дятлы. Но есть такая закономерность - чем компетентнее человек, тем больше он сомневается в своих возможностях. Классический пример - Сократ со своим «scio me nescire», «единственное, что я знаю, так это то, что я ничего не знаю». С Сократом мы бы могли поговорить, если

бы не Ваши, молодой человек, игры с самооценкой. Но мы уже совсем в другой локации, - обнаружил Фридрих, оглядевшись вокруг.

Глава 5. Ниша

*Достоинство человека — в его жизни,
а не в смерти, в соединении духа с плотью,
а не в отделении духа от плоти,
в соединении индивидуальной судьбы личности
с исторической судьбой мира,
а не в отделении личной судьбы от мировой.*
Ирвинг Стоун. «Муки и радости»

Вадик тоже огляделся вокруг. «Другая локация», как обозначил ее Фридрих, собственно, никакой такой «локацией» не являлась. Они словно очутились внутри картины Сальвадора Дали, который вздумал иллюстрировать «Алису в Стране Чудес» Кэрролла в цветовой гамме Малевича.

Красный перетекал в черный, черный перетекал в красный. Крестовидные конструкции распадались на ромбы, алые сердца превращались в черные задницы, в которые были вставлены конические анальные пробки – Вадик не сразу понял, что это не порнографические картинки, а карточные масти.

Аллея изогнулась замысловатой навигационной проклад-

кой – маршрутной линией, разорванной на равные клетки. Вместо деревьев по обе стороны огромные гитарные грифы, как плащеносные ящерицы, растопыривали колки, змеиными шеями вытягивались и сплетались бильярдные кии. По всему «игровому полю», как по столу в казино, были разбросаны красные и черные фишки-чипы, да и сами Вадик и Фридрих стояли в каком-то магическом кругу, словно фишки на старте. Красно-черный огонь гигантских сигаретных окурков источал серый дым, клубящийся в фантазмагорических динамических сценках.

- Новый круг ада? – осторожно поинтересовался Вадик.

Фридрих не разделял тревог своего подопечного, он озибался с любопытством, словно впервые попал на экскурсию в музей современного искусства.

- Забавно, - наконец заключил Фридрих. – Вот всем этим Вы занимаете все свое свободное время? Именно такое времяпровождение Вы называете культурным досугом? Есть какая-то устоявшаяся компания или это всяки раз случайные люди?

- Чем? Что? О чем Вы? – Вадик озибался в полнейшем недоумении.

- Мы с вами стоим на старте какой-то дикой настольной игры, - констатировал Фридрих. – Не какой-то конкретной, а любой из них. «Настолки» - так вы, кажется, их называете? Вдоль игрового трека я вижу множество других досуговых занятий. Да Вы, друг мой, истинный герой романтической

ПОЭМЫ.

- Почему? – односложными немудрыми вопросами Вадик больше напоминал себе подвыпившего прапорщика, чем романтического героя. А Фридрих вдруг хорошо поставленным сценическим голосом продекламировал:

*Прямь Онегин Чильд-Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день,
Один, в расчеты погруженный,
Тупым кием вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.*

- Это из «Евгения Онегина», - ляпнул Вадик полнейшую, банальнейшую очевидность, чем только полностью дискредитировал свои интеллектуальные способности.

- Скажите, молодой человек, Вы рантье? – с неожиданным уважением спросил Фридрих.

- Нет, я работаю, - не очень уверенно ответил Вадик, уловив значение слова «рантье», скорее, интуитивно, чем осознанно.

- И в чем заключается Ваша работа? – спросил Фридрих с живым участием.

Вадик задумался. А действительно – в чем, собствен-

но? Консультации в сети по вопросам приобретения неких финансовых услуг, суть которых он и сам понимал лишь по верхам, прочитав то, что принято называть неблагозвучной аббревиатурой FAQ (от английского Frequently Asked Questions) - ответы на наиболее распространённые вопросы пользователей. Короче говоря, Вадик был саппорт, техническая поддержка. «Специалист по ЧЗВ с раздутым ЧСВ», как любила говорить его девушка, та, с которой жил вместе. Часто задаваемые вопросы и чувство собственной важности – эти аббревиатуры были понятны и неспециалисту. А друзья-товарищи часто шутили, обращаясь к Вадiku «ЧаВо?», имея в виду, что по долгу рутинной службы Вадик вынужден отвечать на «частые вопросы».

И вдруг Вадика прорвало. Как на исповеди. Вадик никогда не был на исповеди, но представлял ее именно так: нескончаемый поток слов про себя, но при этом вслух, в никуда – в темноту безличного конфессионала, где за шторкой прячется абстрактный священнослужитель. Вадик поведал Фридриху о бессмысленности своей жизни, о собственной бестолковости и неорганизованности, о «дятловости» подавляющего большинства окружающих, даже о девушке, с которой живет, и девушке, к которой заходит, и еще о нескольких девушках (на одних он имел планы, даже частично реализованные, в плотской части, а другие имели планы на него, тоже реализованные в той же плотской части) – в общем, обо всей суете сует, которую глухо, как рвотный рефлекс, нака-

том изнутри начал ощущать в последние несколько лет.

Фридрих слушал внимательно, как и положено исповедующему, подождал немного, когда слова иссякли, чтобы убедиться, что продолжения не будет. Потом сказал четко и безапелляционно:

- Мужчина должен работать. Это аксиома. Не обсуждается.

- Так я работаю, - неуверенно возразил Вадик.

- К работе идешь ножками и работаешь ручками, - добавил Фридрих. - Это если обобщенно, со сноской на частности.

- Сейчас это не обязательно, - теперь Вадик мог возражать уверенно: между Вадиком и Фридрихом (если Фридрих действительно тот, кем кажется) в плане мировоззрения лежит века полтора. - Интернет есть. Можно работать дистанционно. Я фрилансер.

- Фрилансер? - улыбнулся Фридрих. - Вольный копеежник? Наёмный воин? Вы поклонник Вальтера Скотта?

- Не читал, - буркнул Вадик. - Фильм смотрел. Про рыцаря Айвенго.

- Работать дистанционно, - Фридрих копировал интонацию собеседника, - можно было всегда. Прежде такие «вольные художники» назывались иначе: «шаровик», «дармоглот» или «халявщик».

- Я не бездельник, - отрезал Вадик. - Да, я сам понимаю, что занимаюсь ерундой, но трачу на это занятие время и си-

лы. Так что никакой шары-халявы. Мне не только о себе нужно думать.

Фридрих неожиданно пропел – с задорным весельем:

Мои друзья — хоть не в болонии

Зато не тащут из семьи

А гадость пьют — из экономии

Хоть поутру — да на свои!

Отпевшись и отсмеявшись, Фридрих продолжил:

- Все это – во благо семьи, я понимаю. Так правильно не потому, что – традиция, а потому, что – естественно. А как мы знаем, нарушать естественный порядок вещей – это себе дороже.

- Что значит «естественный порядок вещей»? – спросил Вадик, который до сих пор мучительно вспоминал, откуда эти так знакомые пропетые Фридрихом строки.

- Естественный порядок, - с готовностью пояснил Фридрих, - это не тот, что заведен в обществе по навязанным нормам, а тот, что предопределен природой.

- Навязанные нормы – это Вы о чем? – не унимался Вадик.

- Ну, мало ли кто и зачем навязывает нам нормы поведения, - пожал плечами Фридрих. – Религия, например, чтобы меньше думали, а больше верили. Государство, чтобы проще было управлять. Народная традиция, чтобы обозначить уникальность собственной культуры. Производители това-

ров, чтобы больше приобретали.

- Это плохо, - вздохнул Валик.

- Ни в коем случае! – горячо возразил Фридрих. – Без навязанных, или пусть – установленных, норм начнется бардак. Как у вашего классика: «Да ведь мужику-то вольная жизнь вовсе ни к чему... Вольная жизнь хороша господину нашему да купцу богатому, а простому народу она тяжела. Человек без хозяина сразу дичится, потом захмелелец делается, и худая приходит беда».

- Не помню я, откуда цитата, - признался Вадик.

- И не должен, - успокоил Фридрих. – Это только в сценарии было к «Калине красной», а из фильма священника Варфоломея убрали из идейных соображений. Но мысли расхождение, Вы могли встречать их, например, у Розанова. Он писал, что воля у мужика - это когда всё дозволено, а потом - хаос и тоска, что дайте мужику полную свободу — и он начнёт разрушать всё вокруг себя, потому что не знает, что с этой свободой делать. Довольно справедливые, на мой взгляд, сомнения в сознательности масс.

Фридрих сделал паузу, пошевелил усами.

- А вот это вот все, - Фридрих широко обвел рукой «игровое поле» с кривыми мачтами бильярдных киёв и гитарных грифов, - марки собирать, вино пить, в карты играть, на велосипеде кататься, боксерскую грушу колотить, под парусом ходить, рыбу ловить – это все хобби, увлечение, это в удовольствие.

- Нельзя же постоянно работать, - справедливо заметил Вадик.

- Ни в коем случае, - подтвердил Фридрих. – Мое любопытство легко объяснить. Ваши хобби интересны для меня, поскольку всегда важно знать своего собеседника. По развлечениям, которые выбирает человек, можно судить об уровне его интеллекта, о его такте, фантазии, манерах и прочих достоинствах. Кому-то книги читать охота, кому-то деньги в игровых автоматах просаживать. Кто-то, вон, настольные игры раскладывает, а кто-то по воробьям из окна стреляет.

- В настолки мы с девушкой по вечерам играем, - рассказал польщенный Вадик. – Под пиво или вино. Часто с друзьями.

- Не секрет, что женщины часто так мужчин и выбирают – по увлечениям, - согласился Фридрих. - Одни наркоманов любят, другие – алкоголиков, третьи – бабников, четвертые – азартных игроманов, пятые – агрессивных драчунов, шестые – отвязных мотоциклистов...

- Почему такие крайности? – возмутился Вадик. – Всегда думал, что девушкам нравятся положительные парни.

В руках Фридриха вдруг появилась электрогитара, усач ударил по струнам и запел хорошо поставленным рок-вокалом:

Кто-то мучительно жаждет убить,

*Кто-то черным вены промыть,
Кто-то надраться и захмелеть,
Кто-то сразу двух женщин иметь,
Ну, а кому-то, кому-то, кому-то
Всё это надобно вместе...*

- Что за жуть? – поморщился Вадик.

- Вольный перевод песни «Get My Rocks Off» группы Dr. Hook & the Medicine Show. Оригинал, правда, более попсо-
вый и звучит гораздо мягче и юмористичнее, а этот вариант
перевода получился жёстким, циничным и почти блатным,
именно поэтому он так прижился у вас в 70–90-е годы.

- И зачем Вы это спели? – хмыкнул Вадик.

- Затем, чтобы Вы, молодой человек, поняли, что в му-
жья-то девушки выбирают приличных парней, а вот любо-
вью заниматься бегают потом к тем, кому «need it all to get my
rocks off», «нужно все это, чтобы получать удовольствие»,
как поют в оригинале.

- Вы совершенно неправы, - сказал Вадик с неуверенной
жесткостью. – И доктор Крюк этот Ваш неправ.

- Читал как-то одного занимательного поэта, - улыбнулся
Фридрих. – Писал он под псевдонимом Звероящер. Есть у
него рецепт, как понравится женщинам. Вот он перечисля-
ет десятки позитивных качеств, которыми должен обладать
мужчина: быть поэтом, другом, уметь готовить, делать ре-
монт, иметь спортивное телосложение, быть смелым, бога-

тым, успешным, умным, терпеливым, непременно отличным любовником, прощать измены, помнить все даты, петь хорошо - вот как я сейчас – подвозить куда надо, иметь чувство юмора, быть галантным кавалером с хорошими манерами, а в сторону других женщин даже не смотреть.

- Стандартный набор женских хотелок, - отмахнулся Вадик.

- А знаете, как в финале стихотворения Звероящер подводит замечательный по чуткости и точности итог? – прищурился Фридрих и, не дожидаясь ответ, продекламировал:

*Но даже при этом при всём
гарантий мы вам не даём,
что счастлива будет она,
а не сбежит всё же на...*

*От вашего совершенства —
отведать говна, как блаженства,
с оп*здолом и алкашом.*

Вот так-то, друзья, и живём

Вадик не удержался – хохотнул, хоть и был не согласен. Или согласен? Надо будет подумать на досуге, за настольной игрой со своей девушкой.

- Серые, «ровные», надежные мужчины женщинам не интересны, - продолжил Фридрих. – Разве что в качестве «дежурных» мужей, для социального фона. Серый мужчина мо-

жет быть отличным мужем, но никогда не будет любовником, избранником. Ему некуда вести, не к чему призывать. Он может только обеспечивать тылы. При сером муже женщина всегда будет иметь варианты для души. Если она бодра, здорова, энергична. Если она женщина.

- Это Ваше личное мнение, - нахмурился Вадик; тема женской неверности отзывалась в его душе тревожным камертоном.

- И еще доктора Крюка, и Звероящера, и всех здравомыслящих мужчин, - напомнил Фридрих. – Но вернемся к разговору о работе и увлечениях. Когда хобби начинает приносить доход не только этический, нравственный, но и существенный, материальный, то увлечение становится работой и наступает счастье. Потому как получать доход, занимаясь хобби, - это счастье.

- Всем бы такое везение, - усмехнулся Вадик, - не работать и зарабатывать.

- Соблазн зарабатывать, не работая, есть у всех, - успокоил Фридрих. - Он называется «халява». Самый яркий пример халявы описан в сказках про Емелю, про золотую рыбку, про Сивку-Бурку и прочих расхожих народных откровениях. Вынь да положь, как лист перед травой, по моему хотению. С этим соблазном люди борются – кто более успешно, кто менее. Когда соблазн побеждает, начинается зависимость. Зависимость – это болезнь. Наркомания, игромания, алкоголизм, халявизм.

- Я здоров! – заверил Вадик.

- Ваш исконный славянский халявизм вам привычен, а потому преодолим и даже незаметен, - Фридрих снова говорил, как врач, дающий пациенту рекомендации. – Вы нашли способы бороться с ним за века культурного развития. Но в девяностые вашу страну раскололи на много осколков, и в трещины хлынула другая эпидемия: халявизм «заморский». Эта разновидность болезни хорошо описана в сказке Карло Коллоди «Пиноккио» - пресловутая Страна Развлечений, она же Страна Дураков у Алексея Толстого, она же «Общество гигантских растений» в «Незнайке на Луне» Носова, она же «МММ» Сергея Мавроди. Зарабатывать не просто «по своему хотению», а даже без «хотения», без сформированных желаний – просто зарабатывать, не работая.

Вадик хотел было снова заверить Фридриха в полной своей свободе от всяческих подобных недугов, но осекся, задумался. Зарабатывать желание есть и у него, а вот зачем – он так пока и не определился. Не чувствовать никаких стеснений, когда оплачиваешь счета, покупаешь продукты или ведешь девушку по магазинам? Ну, тоже цель, вполне себе определенная. Еще бар небольшой они хотели открыть – с той девушкой, с которой сейчас живет. Этакий «семейный» бизнес-план.

Вадик любил ходить по барам и сам некогда проработал почти год за барной стойкой. Когда хозяин снимал дневную выручку с кассы, Вадик не испытывал зависти, но тоже хо-

тел бы вот так – прийти вечером, снять деньги, выпить шот с друзьями в своем баре. Дальше бара Вадик пока не смотрел, других целей не видел. И не догадывался Вадик, какой организационный труд лежит за этим небрежным снятием дневной выручки, сколько ответственности, расчетов, компетенций, коммуникаций, проблем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.